

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА НА СУДЬБЫ РОМАНА

Аннотация. В статье делается попытка проследить, как психоанализ повлиял на судьбу романа в XX в. Преображение романа как жанра в начале минувшего века теснейшим образом было связано с контркультурным движением, которое было направлено против викторианской системы ценностей. Викторианскому времени были присущи евангелически-пуританская этика, утилитаризм и либерализм, ханжество, диктат над эротическим поведением людей. Однако викторианская эпоха сменилась другой системой жизненных и практических установок. Она и была названа антивикторианской. Сначала эти ценности сложились в повседневном житейском сознании, затем в значительной степени стали определять художественную практику. Так появилось первое движение художников-прерафаэлитов в британской культуре викторианской эпохи. Однако самые значительные перемены произошли в судьбе романа. Автор использовал прежде всего принцип историзма, который позволил сравнить две эпохи в истории Великобритании, выявить их сходство и различие.

Впервые в отечественной литературе преобразование романа в начале минувшего столетия соотносится с возникновением фрейдизма и его достаточно сильным влиянием среди художественной интеллигенции. Сам художественный процесс оказался подчинённым новым ценностям. Британский философ Г. Спенсер дал философское обоснование новому этическому сознанию, утверждающему законность гедонистических установок. Так началось преобразование романа, который отныне был направлен против ханжества, лицемерия. Вместе с тем произошли изменения не только в содержании романа. Изменились многие традиции, определявшие поэтику этого жанра. Роман стал носить открытый характер, что означало отсутствие в произведениях этого жанра предзаданной схемы.

Ключевые слова: роман, психоанализ, бессознательное, ценности, искусство, героизация, психология, литература, викторианство, сюжетные линии.

Abstract. In this article Gurevich tries to track back the influence of psychoanalysis on the fate of the novel in the XXth century. The transformation of the novel as a genre at the beginning of the last century was closely related to the countercultural movement against the Victorian system of values. The Victorian era was characterized by the evangelistic-puritan ethics, utilitarianism and liberalism, hypocrisy and dictate over the erotic behavior. However, the Victorian era was replaced by the other system of life and practical attitudes. The new system was called anti-Victorian. In the beginning new values were established in the everyday life and way of thinking but later started to have a significant influence on arts. This is how the first movement of the Pre-Raphaelites appeared in the British culture during the Victorian era. However, the most significant changes happened in the sphere of novel writing. In his research Gurevich used the principle of historicism which allowed him to compare two eras in the history of the Great Britain and describe similarities and differences therein. For the first time in the Russian academic literature the transformation of the novel as a genre that happened at the beginning of the last century is compared to the origin of Freudism and the strong influence of Freudism on artistic intelligentsia. The artistic process itself happened to be influenced and changed by the new values. British philosopher Herbert Spencer described philosophical grounds for the new sense of values towards making hedonistic attitudes 'legal'. This is how the transformation of the novel began and from that moment on the novel was aimed against hypocrisy. Changed involved not only the plot. Many traditions that characterised the poetics of the novel changed, too. The novel started to have a more open nature and the novel did not have a previously established scheme any more.

Key words: values, art, heroization, psychology, literature, Victorian era, plotlines, unconscious, psychoanalysis, novel.

Нет сомнений в том, что появление психоанализа и последующее его развитие оказало значительное влияние на судьбы романа в истекшем веке. Разумеется, речь

идёт не только о погружении писателей в глубины бессознательного в момент обрисовки персонажей. Психоанализ изменил культурный и интеллектуальный контекст эпохи. Многие романисты

усмотрели в этом философском и психологическом направлении возможность для преобразования романа как жанра. В искусстве появились не только новые темы, но и сам подход в изображении жизни стал иным.

Однако воздействие психоанализа на искусство не было только положительным. Многие исследователи отмечают, что фрейдистское учение поставило под подозрение укоренившийся оптимизм, героизацию человека. Критики и сочинители далеко не всегда адекватно оценивали наследие З. Фрейда. Некоторым казалось, что Фрейд свёл внутренний мир человека к сексуальной сфере и проявил пренебрежение к психологическим различиям людей [1]. Такая оценка весьма спорна. На основе своего учения, Фрейд как раз и подчеркнул идею своеобразной характерологии, известной позднее как райхианская. Именно благодаря Фрейду сложился массовый интерес писателей к секретам бессознательного.

Тем более что аналитическая психология К.-Г. Юнга, оставляя тему либидозной энергии, оттеснила сексуальные сюжеты, обратив внимание писателей к неизмеримому арсеналу бессознательного. Концентрация их интереса на психологической инстанции, которая называется «я», оказалась непрочной. Обнаружились такие пучины внутреннего мира человека, которые не были известны писателям прошлого. Английский критик постфрейдистской ориентации К. Мей выделяет ряд звеньев, которые характеризуют соотношение литературы и психоанализа:

1. Признание определённой частью писателей неадекватности прежних способов толкования человеческого поведения;
2. Появление новых для этого времени научных экспертиз теории бессознательного;
3. Активное творческое освоение художниками этих концепций;
4. Превращение проблемы индивидуального сознания в центральную для искусства, причём ряд постижений в этой сфере принадлежали самим художникам и писателям;
5. Возникновение новой психологии экзистенциального толка, открывшей иной взгляд на человеческую жизнь и существование [1].

Каноническая традиция отводила писателю роль наблюдателя жизни. Однако бесстрастная регистрация жизненных процессов натолкнулась на множество патологических и клинических фактов, которые несли действительность. Для их объяснения нужна была другая оптика. Оказалось, что сознание вовсе не является убежищем для человека. Оно разорвано, дисгармонично, само по себе несёт огромный заряд разрушительности.

Хорошей иллюстрацией данной тенденции могут служить романы английского писателя Т. Гарди. Он отказался от повествовательного канона викторианского романа.

В произведениях той эпохи роман был невозможен, если писатель не закончил повествование, раскрыв логику и завершение романов. Эстетика данного жанра требовала сведения всех сюжетных линий к финалу для полноты художественной картины мира. Однако в Уэссекских романах Т. Гарди этот принцип был нарушен [2]. Финал оставался открытым. Читатель получал возможность лишь догадываться о возможном завершении событий. Перспектива «окончателности» исчезала перед грозным и мучительным развитием сюжета («Вдали от обезумевшей толпы», «В краю лесов»). Да и сам автор отбрасывает маску фигуры, владеющей знанием всех тенденций жизни. Он поэтому предлагает читателю лишь возможные варианты финалов задуманного («Возвращение на родину»). Сочинитель намеренно катапультирует мучительные проблемы за границы произведения («Тэсс из рода д. Эрбервиллей», «Джуд незаметный»). Приём открытого финала станет расхожим в эстетике минувшего столетия.

Столь же необычной была литературная ситуация в Германии в первые десятилетия XX столетия. Такие явления, как «новая деловитость», эксперимент над романной формой, преобразование исторического романа были характерными для немецкой художественной практики того времени. Арсенал романа был особенно ярко представлен в творчестве трёх крупнейших прозаиков – Г. Гессе, Т. Манна, А. Дёблина. Обращаясь к теме человека, эти писатели, естественно, не прошли мимо достижений психоанализа. Вслед за К.-Г. Юнгом творцы романов полагали, что душевные терзания многих людей, заблуждения и духовные кризисы вызваны избыточным преклонением перед рациональностью. Отсюда интенсивный интерес к недрам психического мира, к «тёмной» стороне души человека. Обращение к глубинам психики оценивалось как средство, которое может вести к устранению душевного разлада и достижению гармонии.

Писатели, испытавшие влияние психоанализа, осознавали, что для изучения глубоких пластов человеческой психики, гнездившихся там комплексов и неврозов, необходима новая техника сочинительства. В экспериментальном романе были взяты на испытание такие приёмы, как внутренний монолог, двойной диалог, игра разными способами и уровнями мотивации, умышленное сужение поля зрения. Роман называется прежде всего экспериментальным, поскольку в его пространстве подвергается переосмыслению сама литературная традиция,

фигура героя, читатель, непосредственно вовлечённый в повествование. Читатель оказывается своеобразным поделчиком писателя. Сам же автор менее всего озабочен тем, чтобы воспроизвести реальность. Творится, складывается новая романная форма. Главная цель повествования в экспериментальном романе показать преобразование персонажей. Однако интрига в романе раскрывает характеры не по канонам реализма. Писатель воссоздаёт не жизненные ситуации, а воображаемые миры, в которые попадают персонажи. Экспериментальный роман «перегружен» подробностями интимной жизни, подчёркивает особую роль сексуальной темы в существовании персонажей.

Столь известные экспериментаторы, как М. Пруст и М. Пуиг, стремились «отточить» такую романную форму, которая была бы лишена чётко обозначенных начала и конца. Так приём «невольных воспоминаний» в романах М. Пруста взламывает свободное течение событий. Но разве экскурсы по вехам памяти не упорядочивают пережитое? Нет, такое было бы возможно лишь в том случае, если бы «я» представляло бы собой зрелую инстанцию, свободную от заблуждений. Но М. Пруст оспаривает значимость того, что когда-то происходило в жизни героя. Зато в момент воспоминания прошлое обладает цельностью. Оно и существует только в данный момент. При этом «невольное воспоминание» рождает совпадение живого опыта и умозрительного образа, самого бытия и его завершения. В эпопее М. Пруста «В поисках утраченного времени» [3] сюжет утрачивает роль повествовательной пружины. Над сюжетом преобладают воспоминания. Они возникают по любому поводу спонтанно, порой без особой надобности. Трудно воссоздать и некую привычную «историю» и в «Улиссе» Дж. Джойса [4]. Она выступает, прежде всего, как проекция того, что может удержать в себе человеческое сознание: впечатлений, восприятий, знаний. Ещё более трудны для восприятия писателя, разрушающие сюжетное повествование. «Безымянный» Беккета представляет собой монолог, не имеющий отношения ни к каким событиям.

Сходная эстетика отличает и романы английской писательницы Вирджинии Вульф. Ей присущи такие способы восприятия и изображения жизни, которые не свойственны прежним эпохам. Человеческое сознание оказывается в её романах совращением бессознательного. Оно текуче, не имеет сколько-нибудь отчётливой формы. Рассказчик в её романах не воспринимается как личность. Это скорее всего «персона» в античном толковании, т.е. маска. Как конкретная индивидуальность она предельно редуцирована, адаптирована к реальности. Подлинная личность не могла бы позволить

себе такой обделённости и конформности. Но мир в романах В. Вульф воспринимается именно через такую оптику. Здесь находит своё отражение учение У. Джеймса о потоке сознания. Несомненно также и воздействие юнгианской трактовки времени. Идея синхроничности Юнга позволяла сталкивать бытие времени, прошлого и настоящего. Она подвела к убеждению о наличии множества реальностей. В общественном сознании укреплялось представление о времени как своеобразной иллюзии, ложной формы упорядочивания бытия. В итоге писатели обращались к феномену памяти, который конструировал относительную реальность.

В. Вульф осмысливала память как томление по вечной юности, как способ прихотливого соединения прошлого и настоящего. Время – это призма, через которую герои сами сочиняют действительность из фрагментов прошлого и сиюминутных порывов. Всё мутно сливалось в восприятии существующей реальности. Даже название романов несли этот темпоральный смысл. Годы как единица измерения времени определяют название романа. Одна из частей романа «На маяк» называется «Время проходит». Человек, живущий в окружении знакомого быта, раздвигает в своём восприятии рамки собственного ощущения. Он живёт не только «здесь и теперь». Произведения В. Вульф «На маяк», «Миссис Деллоуэй», «Между актами», «Волны» – пример утончённой психологической субъективации внешнего мира. Она призывает своих читателей расширить горизонт собственного существования, отдаться потоку времени и раствориться в нём [5].

Одним из ключевых английских писателей начала минувшего века можно назвать Д.Г. Лоуренса. В полном соответствии с психоаналитическими установками он в своих романах «Сыновья и любовники» (1913), «Радуга» (1915), «Влюблённые женщины» (1920) подчёркивал величие инстинкта и предлагал открыться его «тёмным богам» [6]. Писатель призывал отречься от рационализма, который совлёк человечество с магистрального пути. Вместе с тем Лоуренс вступал в полемику с учением Фрейда, которое, по его мнению, чревато для человечества гибелью. Однако сам австрийский учёный был близок к тому, чтобы рассматривать бессознательное как неиссякаемую творческую силу. Эта установка нашла многообразное претворение в работах последователей Фрейда, особенно К.-Г. Юнга. Швейцарский психоаналитик стремился развить представление о целостной личности, которая невозможна без учёта бессознательного. По его мнению, прежние формы интеграции личности, такие, как традиция, религиозная вера, общинный уклад не смогли решить эту проблему. Юнг считал, что, погружаясь в пучины бессозна-

тельного, индивид осваивает тёмные грани души. В этом аспекте между К.-Г. Юнгом и Д.Г. Лоуренса не было расхождений.

Французские экзистенциалисты тоже не остались в стороне от анализа романа в духе психоанализа. Ж.-П. Сартр обратил внимание на тот факт, что американские писатели XX в. сумели в большей степени отточить взгляд на реальность, нежели французские литераторы. Традиции экзистенци-

ального психоанализа оказались адекватнее в постижении человека, нежели классические варианты повествования. Скажем, в романе Н. Мейлера «Нагие и мёртвые» [7] автор менее всего озабочен описанием социальной реальности, его интересуют в большей степени психологические состояния героев. В результате становится очевидным, что преобразование романа не перечёркивает традиций классического жизнеописания.

Список литературы:

1. May K.M. Out of the Maslstrom: Psychology and the novel in the XX century. L.: Elek, 1977. 135 p.
2. Гарди Т. Уэссекские романы: в 8 т. М.: Художественная литература, 1969-1973.
3. Пруст М. В поисках утраченного времени. М.: АСТ: Астрель, 2010. 923 с.
4. Джойс Дж. Улисс. СПб.: Азбука, 2012. 983 с.
5. Вульф В. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2014. 667 с.
6. Лоуренс Д.Г. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2013. 763 с.
7. Мейлер Н. Нагие и мёртвые. 2-е изд. М.: Воениздат, 1976. 575 с.
8. Веселовский А. Избранное: Легенда о св. Граале. СПб.: Петроглиф, 2016. 512 с.
9. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniw. przyrodniczo-humanistyczny, 2015. 174 с.
10. Фрейд З. Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи. Микеланджело. Достоевский. М.: Алгоритм, 2016. 254 с.
11. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука, 2015. 380 с.
12. Юнг К.-Г. Символическая жизнь. М.: COGITO center, 2003. 326 с.
13. Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М.: Канон+, 2016. 320 с.

References (transliterated):

1. May K.M. Out of the Maslstrom: Psychology and the novel in the XX century. L.: Elek, 1977. 135 p.
2. Gardi T. Uessekskie romany: v 8 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969-1973.
3. Prust M. V poiskakh utrachennoogo vremeni. M.: AST: Astrel', 2010. 923 s.
4. Dzhois Dzh. Uliss. SPb.: Azbuka, 2012. 983 s.
5. Vul'f V. Maloe sobranie sochinenii. SPb.: Azbuka, 2014. 667 s.
6. Lourens D.G. Maloe sobranie sochinenii. SPb.: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2013. 763 s.
7. Meiler N. Nagie i mertvye. 2-e izd. M.: Voenizdat, 1976. 575 s.
8. Veselovskii A. Izbrannoe: Legenda o sv. Graale. SPb.: Petroglif, 2016. 512 s.
9. Makhlin V.L. Bol'shoe vremya: Podstupy k myshleniyu M.M. Bakhtina. Siedlce: Uniw. przyrodniczo-humanistyczny, 2015. 174 s.
10. Freid Z. Psikhooanaliz tvorchestva. Leonardo da Vinchi. Mikelandzhelo. Dostoevskii. M.: Algoritm, 2016. 254 s.
11. Khoruzhii S.S. «Uliss» v russkom zerkale. SPb.: Azbuka, 2015. 380 s.
12. Yung K.-G. Simvolicheskaya zhizn'. M.: COGITO center, 2003. 326 s.
13. Yung K.-G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Kanon+, 2016. 320 s.